

КОНЦЕПТЫ «СВОБОДА» И «СОГЛАСИЕ» В КОНТЕКСТЕ ПОИСКА РЕШЕНИЯ КРЕСТЬЯНСКОГО ВОПРОСА В РОССИИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.¹

Д.В. Тимофеев

Аннотация. Представлены результаты сравнительно-контекстуального анализа ключевых концептов и аргументов, используемых в процессе поиска вариантов урегулирования конфликтов между помещиками и крестьянами, освобождаемыми по указу 20 февраля 1803 г. Такой подход нацелен на выявление представлений российских подданных об условиях освобождения крепостных людей в России первой четверти XIX в. не только на уровне теоретических рассуждений, но и при принятии решений по конкретным делам. На основе сравнительно-контекстуального анализа впервые вводимых в научный оборот архивных материалов выявлены важные для понимания стратегии и тактики решения крестьянского вопроса концептуальные подходы. Установлено, что, наряду с признанием важности соблюдения формально-юридических норм и процедур, центральной становится «концепция добровольного согласия» и дополняющие ее положения о необходимости различать «права» помещика освобождать крестьян, его «право» на земельную собственность и невозможность дворянина отказаться от подписанного договора с крепостными людьми. В заключительной части статьи сделан вывод о причинах низкой эффективности установленной 20 февраля 1803 г. процедуры освобождения крестьян по инициативе помещиков, особенностях соотношения понятий «согласие», «свобода» и «собственность» и большей результативности в первой четверти XIX в. концептуальной модели «принуждения к согласию» и «монаршего соизволения».

Ключевые слова: свобода, согласие, право, крепостной вопрос в России, свободные хлебопашцы, история дискурсивных практик, история понятий, история общественного сознания, межсловные взаимодействия.

Тимофеев Дмитрий Владимирович, доктор исторических наук, доцент, заведующий сектором социальной истории Института истории и археологии Уральского отделения РАН, 620990, Россия, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, д. 16; профессор кафедры истории России Уральского федерального университета, 620002, Россия, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19, dmitrtim@yandex.ru.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00216).

THE CONCEPTS OF “FREEDOM” AND “CONSENT” IN THE CONTEXT OF THE SEARCH FOR A SOLUTION TO THE PEASANT ISSUE IN RUSSIA IN THE FIRST QUARTER OF THE 19TH CENTURY

D.V. Timofeev

Abstract. This article presents the results of a comparative and contextual analysis of the key concepts and arguments used in the efforts to regulate conflict between landowners and those peasants liberated by the edict of 20 February 1803. This approach is aimed at revealing the ideas of Russian subjects about manumitting serfs in Russia in the first quarter of the 19th century: it will do so not only on the level of theoretical discourse but also by looking at resolutions taken in concrete matters. Based on the analysis of archival materials, the article identifies important conceptual approaches to the strategies and tactics of resolving the peasant question. Alongside recognition that it was important to observe formal legal norms and procedures, the concept of “voluntary consent” was central, as were complementary provisions about the need to emphasize the right of a landowner to manumit peasants, his right to own landed property, and his inability to reject signed agreements with serfs. In the concluding part, the article posits the reasons why the procedures established in the 20 February 1803 edict for manumitting serfs on the initiative of nobles had a low level of efficacy: it also examines the particularities of the relationships between the concepts of “consent”, “freedom”, and “property” before finally turning to look at the great potency of conceptual models regarding “compelled consent” and “at royal pleasure” in the first quarter of the 19th century.

Keywords: freedom, consent, rights, the serf question in Russia, free agriculturalists, the history of discursive practices, the history of concepts, the history of social consciousness, inter-estate interactions.

Timofeev Dmitriy V., Doctor of Science (History), Leading Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 16, Sof'i Kovalevskoy St., Ekaterinburg, 620990, Russia; Professor, Department of Russian History, Ural Federal University, 19, Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russia, dmitrtim@yandex.ru.

Одним из важных аспектов изучения истории общественного сознания, позволяющим выявить механизмы формирования представлений современников изучаемого времени о характере и границах свободы индивида в социуме, является анализ аргументации позиций в ходе конфликтных взаимодействий между представителями различных социальных групп. В России первой четверти XIX в. возникновению таких конфликтов способствовало издание указа 20 февраля 1803 г., практика реализации которого сопровождалась выдвиганием взаимных претензий как со стороны владельцев и потенциальных наследников имений, так и от имени освобожденных крестьян.

Дореволюционные и современные российские историки отмечали неоднозначность восприятия современниками данного указа [см., например: Семевский, 1888, т. 1, с. 252–284]. При этом внимание исследователей было сконцентрировано не на анализе практики его реализации¹, а на содержании дворянских проектов и формально-юридических аспектах правительственной политики. [Миرونенко, 1989, с. 61–146; Медушевский, 2005]. При таком подходе основные выводы, как правило, сводились к констатации низкой результативности указа и утверждению нежелания консервативно настроенных помещиков освобождать по собственной инициативе крестьян [Бирюкович, 1921; Сергеева, 1983; Блаткова, 1994]. Такая трактовка, на мой взгляд, является вполне обоснованной, но не позволяет понять действительных, сформулированных самими помещиками, причин не востребованности дарованного им права освобождения крестьян с землей за выкуп.

В целом, соглашаясь с утверждением о намерении верховной власти посредством издания указа от 20 февраля 1803 г. апробировать *добровольный сценарий* освобождения крепостных людей в России, целесообразным представляется не столько определение количественных показателей реализации указа, сколько выявление сформировавшихся в общественном сознании представлений о наиболее приемлемых условиях освобождения крестьян в краткосрочной и неопределенной перспективе. С этих позиций необходимо обратиться к содержанию аргументов и риторических приемов, используемых современниками при разрешении конфликтов между помещиками и освобождаемыми ими крестьянами².

В рамках настоящего исследования принципиально важно выявить: какие смысловые акценты были сделаны властью при описании обязательных условий освобождения крестьян; кто был инициатором рассмотрения дела; с помощью каких понятий/концептов обосновывались субъективные оценочные суждения о необходимости принятия того или иного решения по конкретному делу; каким образом высказываемые суждения отражались в разнообразных проектах совершенствования

---

¹ Определенным исключением является глава в монографии А.Н. Долгих, где правительственная политика показана на фоне ряда конкретных дел [Долгих, 2006, с. 144–176].

² Методологическим ориентиром при таком подходе может служить наработка исследователей Кембриджской школы истории понятий [Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории, 2018].

российского законодательства и отмены крепостной зависимости крестьян. В наиболее отчетливой форме все эти сюжеты представлены в архивных материалах по делам о спорах, возникавших между помещиком и крестьянами, освобождаемыми на основании указа 20 февраля 1803 г.

Установленный порядок разбирательства по вопросу о предоставлении крестьянам свободы обуславливал формирование комплекса документов по каждому делу, основными элементами которого были различные «донесения», «предписания», выписки из решений присутственных мест, доклады, «особые мнения», «журналы заседаний» отдельных департаментов и общего собрания Сената, Государственного Совета, проекты изменений действующего законодательства, утвержденные императором постановления и указы. Все эти документы, несмотря на характерную для материалов делопроизводства формализацию структуры текста, открывают перед исследователем перспективу выявления представлений современников о целях, условиях и методах решения конфликтных ситуаций между крестьянами и помещиками в первой четверти XIX в. и как следствие – возможность реконструировать процесс поиска решения крестьянского вопроса не только на теоретическом (проектном) уровне, но в масштабе практических действий крестьян, помещиков, представителей местной и имперской администрации. Такой подход обуславливает целесообразность изучения событийной стороны конфликтов, возникавших между помещиками и освобождаемыми ими крестьянами, и способов аргументации участниками своих позиций.

Для понимания сущности предъявляемых противоборствующими сторонами конфликта требований необходимо обратиться к тексту указа и определявшей порядок его реализации инструкции МВД [Правила... 1804, с. 11–16; ПСЗ, т. XXVII, № 20625, с. 466]. В этих документах отчетливо пролеживается стремление государства минимизировать вероятность возникновения конфликтов между крестьянами и помещиками посредством детальной регламентации процедуры составления договоров. Так, обязательным было «своеручное» подписание условий освобождения самим помещиком и избранным от крестьян представителем – или доверенным от них «посторонним человеком»¹. После этого, на том же самом документе, необходимо было поставить подписи земского исправника и уездного предводителя дворянства, которые свидетельствовали, «что условия точно сделаны по согласию крестьян, и что в подписи их не было ни принуждения, ни подлога» [Правила..., 1804, с. 13]. Аналогичная обязанность удостовериться в достижении всеми заинтересованными сторонами «согласия» с условиями перехода крестьян в разряд вольных хлебопашцев была зафиксирована и в пунктах правил, предписывающих действия министра внутренних дел. При рассмотрении условий договора, который вместе с прошением помещика через губернского предводителя дворянства направлялся министру, он «...должен наблюдать, чтоб добровольное согласие крестьян было свидетельствами... достаточно удостоверено» [Правила..., 1804, с. 15].

---

¹ Доверенность на подписание доверенными от крестьян представителями в обязательном порядке должна была быть представлена в уездный суд.

Таким образом, в официально изданных правилах, которыми должны были руководствоваться помещики и чиновники как местного, так и общероссийского уровня, неоднократно использовался принципиально важный для понимания стратегии решения крепостного вопроса концепт «согласие». Содержательно он позволял акцентировать внимание современников не только на финансовых обязательствах, но и на добровольном характере совместного, желаемого всеми участниками действия. В такой трактовке заключение юридического документа, закрепляющего «добровольное согласие» между помещиком и крестьянами, открывало перспективу постепенного и бесконфликтного решения крепостного вопроса в России. При этом подразумевалось, что установленная правительством многоуровневая система наблюдения и контроля за «добровольностью» должны были стать своеобразной гарантией соблюдения принятых всеми заинтересованными сторонами условий освобождения крестьян.

Однако на практике формально провозглашаемое «согласие» между крестьянами и помещиками не всегда соблюдалось. В некоторых случаях достигнутые ранее договоренности нарушались вследствие отказа помещиков исполнять условия договора. Ответной реакцией на такие односторонние действия помещиков были обращения крестьян к губернским властям, или даже императору, с прошениями восстановить «справедливость» и заявлениями о нежелании возвращаться в «прежнее крепостное состояние».

Одним из показательных примеров такого сценария является дело о крестьянах села Ловец Зарайского уезда Рязанской губернии, находившихся во владении отставного гвардии поручика Петра Рословлева. Инициативными документами рассмотрения дела в Сенате, а позднее и в департаменте гражданских и духовных дел Государственного совета было прошение крестьян и жалоба помещика, который после подписания в марте 1810 г. договора об условии выкупа 1014 «душ мужского пола» отказался освободить принадлежащих ему крестьян. В результате расследования выяснилось, что составленное им ранее условие в полном соответствии с законом было «...с обеих сторон подписано и засвидетельствовано Земским исправником и уездным предводителем». Для завершения процедуры перевода крестьян в разряд «свободных земледельцев» необходимо было лишь, составив план раздела земли между крестьянами, представить его вместе с договором и Всеподданнейшим прошением губернскому предводителю дворянства [РГИА, ф. 1151, оп. 1, т. 1, 1812, д. 83, л. 2]. Однако поручик Рословлев, даже несмотря на то, что крестьяне сразу после подписания договора передали ему часть денежной суммы, отказался составлять план деления земли на участки, которые должны были перейти в собственность крестьян после их освобождения.

Следствием такого поведения стал длительный конфликт между помещиком и крестьянами. Крестьяне подали в Сенат прошение, в котором настаивали, что они после подписания договора и выплаты большей части установленной выкупной

суммы¹ должны быть признаны свободными с сохранением обязанности в течение нескольких лет полностью рассчитаться с бывшим помещиком. П. Рословлев считал требование крестьян необоснованными, т.к. он не подавал прошение на Высочайшее имя, а, следовательно, крестьяне должны были оставаться в полном его владении. Именно поэтому в апреле 1813 г. он направил в Сенат жалобу на неповиновение крепостных людей, подчеркивая, что полученные ранее деньги были им возвращены.

После этого крестьяне обратились с повторной с жалобой на поручика Рословлева, в которой вновь заявляли о желании перейти в вольные земледельцы и сообщали о том, что они отказались принимать от помещика возвращенные им деньги и передали их на хранение в Приказ общественного призрения [РГИА, ф. 1151, оп. 1, т. 1, 1812, д. 83, л. 5–6об.]. Таким образом, прослеживается две диаметрально противоположные оценки самого факта заключения договора и достижения «добровольного согласия»: помещик считал, что он вправе в любой момент до получения высочайшего соизволения изменить свое решение, а крестьяне настаивали на неизменном характере условий освобождения, письменно зафиксировавших «согласие» всех членов сельского схода и помещика.

Не менее важными для понимания направленности аргументов по делу о крестьянах П. Рословлева являются высказывания министра внутренних дел, сенаторов и членов Государственного совета. Показательно, что все они безоговорочно признали справедливым и законным требование крестьян о предоставлении свободы. После ознакомления с материалами дела министр внутренних дел заявил о необходимости «признать договор действительным» и уведомил сенаторов о том, что «губернскому начальству было предписано предохранять имение от своевольных распоряжений помещика» [РГИА, ф. 1151, оп. 1, т. 1, 1812, д. 83, л. 6об., 12]. В основе такой патерналистской по своей направленности меры лежало все то же представление о сущности взаимного «согласия» как единственного условия разрешения вопроса о предоставлении крестьянам свободы не только применительно к конкретному делу, но и в качестве общего правила при разрешении всех аналогичных случаев.

Именно с этих позиций Сенат признал ранее подписанные помещиком с крестьянами «условия» «актом действительным» и предложил в качестве превентивной меры распространить на все случаи, «...когда помещик будет упорствовать в подаче просьбы или в подписании реестра о разделе земли», правило, в соответствии с которым завершение процедуры освобождения могло бы происходить *без участия помещика*. Принципиально важным объявлялся факт публичного подписания договора в

---

¹ По условиям договора крестьяне должны были выплатить помещику 275 000 руб., из них 85 000 были выплачены при подписании условий, 15 000 — в мае 1810 г. До 1 февраля 1813 г. необходимо было выплатить 100 000 руб., а оставшиеся 75 000 руб. крестьяне обязались внести в счет долга помещика Московскому Опекунскому совету. На момент рассмотрения дела в Государственном Совете долг крестьян помещику составлял всего 6000 руб. Основная же сумма задолженности крестьян к сентябрю 1812 г. предназначалась опекунскому совету [Архив Государственного Совета..., 1892, стб. 603–609].

присутствии крестьян, помещика, уездного предводителя дворянства и земского исправника, что являлось бесспорным доказательством того, что он заключен «по взаимному *согласию* и без принуждения» [Архив Государственного Совета, 1892, стб. 603]. По мнению сенаторов, очевидная необходимость и достаточность достижения изначального «согласия» обуславливали возможность завершения процедуры уездным предводителем, который мог, «...выдав помещику и крестьянам за своею скрепою копию с условием, [...] представить оное, не дожидаясь уже упомянутого прошения (помещика – Т.Д.) Губернскому предводителю, который [...] препроводит все бумаги к Министру внутренних дел для рассмотрения и доклада Его Императорскому Величеству» [РГИА, ф. 1151, оп. 1, т. 1, 1812, д. 83, л. 2–3; Архив Государственного Совета, 1892, стб. 603]. Аналогичным образом аргументировалась сенаторами и возможность осуществления раздела земли самими крестьянами «безобидно по общему согласию», не дожидаясь составления и утверждения помещиком необходимого в обычных случаях плана земельных участков [РГИА, ф. 1151, оп. 1, т. 1, 1812, д. 83, л. 3; Архив Государственного Совета, 1892, стб. 606].

Отсутствие правовых и моральных оснований для отказа помещика исполнить взятые на себя ранее обязательства по освобождению крестьян было отмечено и на заседании департамента гражданских и духовных дел Государственного совета 12 сентября 1812 г. В итоговой резолюции участники обсуждения констатировали, что «...помещик Рословлев, сделав с крестьянами своими об увольнении их в свободные хлебопашцы условие, и получив с них за право свободы деньги, не может уже переменить распоряжения своего без нарушения доброй совести и правил закона об обязательствах» [РГИА, ф. 1151, оп. 1, т. 1, 1812, д. 83, л. 14]. Примечательно, что в такой формулировке отчетливо прослеживается апелляция не только к юридическим нормам, но и акцентирование внимания на существовании особых морально-этических обязательств помещика, основанных на представлении о чести и достоинстве благородного российского дворянина. Используя одновременно морально-этическую и юридическую аргументацию, члены Совета постановили: крестьян «утвердить в состоянии свободных хлебопашцев», обязав их в установленный договором срок выплатить остаток платежа помещику и погасить его долговые обязательства Московскому опекунскому совету. Отдельным пунктом было определено решение по вопросу о распределении земель: «за упорством Рословлева разделить между крестьянами землю и угодья по участкам, предоставив раздел сей учинить самим им по общему между собою согласию, с утверждения земского исправника и дворянского предводителя» [РГИА, ф. 1151, оп. 1, т. 1, 1812, д. 83, л. 14–17; Архив Государственного Совета, 1892, стб. 607].

В совокупности с объявленным министром внутренних дел губернскому начальству предписанием «предохранять имение от своевольного распоряжения помещика», такая резолюция Государственного совета была *актом принуждения помещика* исполнить свои обязательства перед крестьянами. В данном контексте содержание и идейная направленность принятого решения позволяет сделать важное обобщение о роли государственных структур в процессе решения конфликтов по делам

о предоставлении крестьянам свободы: верховная власть и чиновники высших государственных учреждений (Сенат, Государственный Совет) посредством таких действий пытались сформировать в сознании помещиков своеобразную *концепцию «согласия»*, суть которой сводилась к невозможности своевольно, в одностороннем порядке отозвать свое решение об освобождении крестьян. С этих позиций государство рассматривалось в качестве сильного, способного к принуждению сторон, но одновременно и справедливого арбитра, призванного наблюдать за неукоснительным соблюдением достигнутых между помещиком и крестьянином договоренностей. Подтверждением действенности такого механизма «принуждения к согласию» являются два письма Рословлева в 1813 г., в которых он, по свидетельству министра внутренних дел В. П. Кочубея, заявлял о желании «...все споры с крестьянами своими прекратить» и «согласии» завершить освобождение своих крестьян в установленном указом 20 февраля 1803 г. порядке. В итоге 7 января 1814 г. император утвердил условия перехода крестьян поручика Рословлева в свободные землепашцы [Вешняков, 1858, прил. 3, с. 86].

Особенно отчетливо значимость концепта «согласие» и его соотношение с представлением о праве помещика предоставить крестьянам «свободу» прослеживается при анализе аргументов участников рассмотрения дел о спорах между крестьянами и наследниками умершего помещика. В большинстве таких случаев предусмотренная указом 20 февраля 1803 г. формальная процедура не была завершена, что давало наследникам имения основание утверждать о сохранении помещичьей власти в отношении находившихся на их земле крестьян. Как правило, при рассмотрении подобных дел в Сенате и Государственном Совете возникали дискуссии о соотношении «буквы» и «духа закона», возможности вынести положительное решение об освобождении крестьян при наличии формальных оснований удовлетворить прошения наследников умершего помещика.

Одним из наиболее показательных примеров является дело помещицы Куроедовой, составившей 28 марта 1805 г. распоряжение об «увольнении в свободные земледельцы» 264 крестьян мужского пола «с семействами их» без денежной платы в свою пользу, но с обязательством перечисления по 2 руб. с души ежегодно на содержание учрежденной в Симбирске Александровской больницы [РГИА, ф. 1260, оп. 1, д. 585, л. 7]. Собственноручно подписанный «завещательный домовый акт» и письмо с просьбой разрешить уволить крестьян в свободные хлебопашцы Куроедова отдала своему племяннику, титулярному советнику Аксакову, который после ее смерти 21 января 1806 г. предоставил их Симбирскому гражданскому губернатору С. Н. Хованскому. Незамедлительно по предписанию губернского правления имение было взято «под особый присмотр дворянской опеки», а завещание и письмо направлены губернатором на рассмотрение министра внутренних дел. После этого ближайший по очередности наследник – майор Бекетов (своих детей у помещицы не было) обратился с заявлением в Гражданскую палату о закреплении имения в его полную собственность, а крестьяне подали императору прошение об утверждении составленного помещицей Куроедовой завещания и переводе их в

разряд вольных землепашцев [РГИА, ф. 1260, оп. 1, д. 585, л. 7–8]. Результатом этих обращений стало повеление императора Александра I рассмотреть все обстоятельства дела в Государственном Совете и Комиссии составления законов.

Очевидно, что описанная событийная сторона данного дела существенно отличается от установленной указом 20 февраля и инструкцией МВД формальной процедуры: помещица не представила засвидетельствованный земским исправником и уездным предводителем текст «условий» с крестьянами, а поручила своему племяннику передать «завещательный акт» и соответствующее прошение не губернскому предводителю, как это предписывалось правилами, а гражданскому губернатору, который не должен был участвовать в процедуре представления документов министру внутренних дел.

Все указанные выше противоречия были отмечены членами Государственного совета на заседании 1 октября 1806 г. Именно поэтому, рассмотрев обстоятельства дела, большинство участников обсуждения пришли к заключению, что хотя в соответствии с указом 3 октября 1805 г. смерть помещицы не может служить основанием для отмены решения об освобождении, но, т.к. она не представила «надлежащим образом удостоверенных с крестьянами условий», то «...без нарушения законов нельзя произвести в действие положение помещицею Куроедовой сделанное» [РГИА, ф. 1260, оп. 1, д. 585, л. 9–10]. Однако данное решение, полностью или частично, не было поддержано пятью членами Совета, три из которых являлись министрами. Главными вопросами, вызвавшими оживленную дискуссию участников обсуждения, был вопрос о правомерности освобождения крестьян с землей «без заключения условий» и определения «достаточности» доказательств, удостоверяющих «добровольное согласие» крестьян и владельца имения.

В результате сравнительно-контекстуального анализа содержания «особых мнений» по данному делу выявлен ряд принципиально важных установок современников о приемлемых вариантах разрешения аналогичных конфликтов.

Первая – формально-юридическая – представлена в «особом мнении» министра юстиции князя П.В. Лопухина, который, в целом соглашаясь с заключением большинства членов Совета, акцентировал внимание на том, что имение Куроедовой являлось родовым, а следовательно, «...сие завещание сделано не в сходственность узаконений», т.к. предполагаемое освобождение крестьян с землей фактически приведет к выходу собственности из дворянского рода [РГИА, ф. 1260, оп. 1, д. 585, л. 14]. С этих позиций П.В. Лопухин выступал за неукоснительное соблюдение «буквы закона» и принципиально важным препятствием для осуществления воли помещицы считал нарушение формального порядка увольнения крестьян в вольные хлебопашцы.

Вторая позиция, сформулированная в мнении министра просвещения П.В. Завадовского и поддержанная А.Б. Куракиным¹, содержательно воспроизводила

---

¹ При подписании журнала к мнению П.В. Завадовского присоединился д.т.с. кн. А.Б. Куракин [РГИА, ф. 1260, оп. 1, д. 585, л. 11об.].

тезис о важности не только «буквы», но «духа закона». По вопросу о предоставлении крестьянам свободы, принципиально значимым объявлялось не дословное исполнение норм права, а «взаимное согласие» сторон. П. В. Завадовский подчеркивал, что сами «...формы при увольнении сем установлены на тот единственно конец, чтоб удостоверить взаимное согласие как крестьян, так и их помещиков» [РГИА, ф. 1260, оп. 1, д. 585, л. 10]. В деле же помещицы Куроедовой, по его мнению, «...согласие сие с обеих сторон очевидно: ибо со стороны помещицы утверждено оно письмом к губернатору и завещанием, свидетелями удостоверенным, а со стороны крестьян прошением их на высочайшее имя» [РГИА, ф. 1260, оп. 1, д. 585, л. 10]. Соблюдение этого главного условия позволило сделать итоговый вывод: крестьяне должны получить личную свободу и перейти в разряд «свободных землепашцев». Таким образом, по сути, была сформулирована концепция приоритетного значения «согласия» как основного инструмента при разрешении конфликтов и споров.

Третья позиция была сформулирована 20 октября 1806 г. в «особом мнении» А. Чарторыйского. Следуя все той же логике разделения «буквы» и «духа» закона, он предложил четко дифференцировать право собственности на землю и право помещиков отпускать своих крестьян на «свободу». В этой связи, признавая наличие процессуальных нарушений в деле крестьян помещицы Куроедовой, А. Чарторыйский писал: «...если следовать сему закону в литеральном смысле, то уступку земли нельзя почтить действительною... <...> Но личная свобода, дарованная помещицею некоторому числу своих крестьян, не состоящих ни под залогом, ни под каким-либо запрещением, есть действие вовсе другого рода» [РГИА, ф. 1260, оп. 1, д. 585, л. 15об.–16].

Бесспорность права помещика предоставлять своим крепостным людям «свободу» обосновывалась автором в контексте общемировой тенденции к упразднению личной зависимости земледельцев. Обращаясь к членам Совета и российскому императору как главному адресанту своего «особого мнения», Чарторыйский констатировал: в странах, где еще «существует рабское или кабальное состояние людей», «повсюду по внушению правоты, веры и нравственности, оказывалось постоянное благоприятствование освобождению человека от личной неволи» и уже «принято за основание, что человек, единожды получивший добросовестно свободу, не может быть уже после поработен», даже в том случае, если при продаже имения были допущены какие-либо нарушения закона [РГИА, ф. 1260, оп. 1, д. 585, л. 16–17]. С этих позиций принципиально важным было не столько документально-юридическое сопровождение, а сам факт объявления крестьянам о переводе их в другое «состояние». В случае же с крестьянами Куроедовой, поскольку воля помещицы не подлежит сомнению – «...они уже свободны с того времени, как скоро изречена сия воля» [РГИА, ф. 1260, оп. 1, д. 585, л. 17].

Такая трактовка коренным образом меняла понимание сущности конфликта, который рассматривался как имущественный спор между *свободными* крестьянами и наследниками по вопросу об условиях продажи земли. По мнению А. Чарторыйского, для скорейшего разрешения спора необходимо достижение

«добровольного согласия», а способствовать его достижению должен Симбирский губернатор, выступающий по поручению правительства в качестве «примирителя» сторон. Предполагалось, что главная задача губернатора в этом деле — надзор за составлением взаимовыгодных условий передачи крестьянам земли, которая могла быть осуществлена либо посредством денежной выплаты наследникам, либо «за определенный вечный доход» [РГИА, ф. 1260, оп. 1, д. 585, л. 18]. В случае же, если бы «...обе стороны не смогли между собою прийти в согласие», тогда правительство, оставив крестьян «в состоянии свободных хлебопашцев», должно было либо выделить им казенные земли, либо приобрести у частных владельцев необходимое количество земли [РГИА, ф. 1260, оп. 1, д. 585, л. 18об.]. Показательно, что такой способ разрешения конфликта уже не предполагал, как в случае с крестьянами поручика Рословлева, государственного «принуждения к согласию», а основывался на представлении об исполнении местной администрацией важной посреднической функции по «примирению» сторон для сохранения интересов помещиков и, одновременно, формирования позитивных примеров реализации указа о вольных хлебопашцах.

Логическим продолжением рассуждений о роли властных институтов в случаях возникновения противоречий между «объявленной волей» помещика предоставить крестьянам «свободу» и нормами действующего законодательства является «особое мнение» министра коммерции Н.П. Румянцева. Обращаясь к опыту решения аналогичного дела помещицы Аникеевой¹, он предложил обратиться к «монаршему снисхождению», которое могло быть выражено в повелении казначейству выкупить крестьян у наследников с последующим переводом их в «свободные хлебопашцы». Такое обращение к верховной власти, по его словам, позволило бы «...соблюсти... пользу крестьян надеждою близкой свободы в искание сей вовлеченных». При этом подчеркивалось, что данную меру следует рассматривать лишь как частное исключение, а для предотвращения в будущем подобных конфликтов следовало публично объявить о запрете освобождения крестьян без заключения с ними письменных соглашений [РГИА, ф. 1260, оп. 1, д. 585, л. 11–11об.]. Предложенная Н.П. Румянцевым *модель монаршего покровительства*, по сути, воспроизводила традиционную логику решения в Сенате и Государственном совете вопросов, которые хотя и могли быть решены на основании действующего законодательства, но имели определенный идеологический контекст, связанный с заявлениями верховной власти о приверженности нормам христианской морали, принципам «человеколюбия» и «общего блага». В данном случае император рассматривался как единственный субъект, способный исполнить волю помещика и предоставить крестьянам «свободу», даже если это формально противоречило установленным ранее самим же монархом юридическим нормам.

---

¹ Вопрос о крестьянах вологодской помещицы Аникеевой рассматривался в июле-августе 1805 г. В отличие от Куроедовой, она составила и подписала «условия» с крестьянами, но также умерла до завершения формальной процедуры освобождения. Решение Государственного совета по данному делу было утверждено императором 14 августа 1805 г. и стало основанием для издания Указа Сенату от 3 октября 1805 г. [ПСЗ, т. XXVII, № 21933, с. 1274; Санкт-Петербургский журнал, 1805].

Несмотря на то, что все выказанные в Государственном совете «особые мнения» содержали несколько конкретных предложений, решение о судьбе крестьян помещицы Куроедовой принято не было. Более того, именно «разногласие» в позициях членов Совета и юридическая «неопределенность» механизмов решения подобных случаев стало в августе 1807 г. основанием для императорского предписания П.В. Лопухину направить все материалы дела в «Комиссию составления законов» [РГИА, ф. 1260, оп. 1, д. 585, л. 1–3, 5–6]. По итогам рассмотрения в 1808 г. было представлено мнение Н.Н. Новосильцева и заключение комиссии, в котором подтверждалось право помещицы Куроедовой освобождать крестьян, и сформулирован главный вывод о том, «...что ни в разсуждении рода собственности, ни относительно к крестьянам нет никакого препятствия привести в исполнении таковую ея волю» [РГИА, ф. 1260, оп. 1, д. 585, л. 34–34об.].

Таким образом, по заключению комиссии составления законов крестьяне должны были получить и «свободу», и выкупленные ими земельные участки, но на практике, по имеющейся в нашем распоряжении информации, данное решение так и не было реализовано. Летом 1809 г. министр внутренних дел А.Б. Куракин уведомил князя П.В. Лопухина о том, что крестьяне помещицы Куроедовой через своего поверенного Р. Яковлева вновь обратились с прошением о переводе их в вольные хлебопашцы [РГИА, ф. 1260, оп. 1, д. 585, л. 4–4об.]. Однако и это обращение не привело к ожидаемому просителями результату, о чем свидетельствует письмо уже следующего министра внутренних дел О.П. Козодавлева князю П.В. Лопухину от 7 июня 1812 г., в котором сообщалось, что министр финансов на основании представления Симбирского гражданского губернатора просил проинформировать его, было ли принято по делу Куроедовой какое-либо распоряжение о судьбе крестьян. При этом в качестве главного аргумента необходимости скорейшего решения дела выступали уже не доказательства соответствия/несоответствия действий помещицы законодательству или суждения об обязанности «просвещенного» гражданина и христианина способствовать искоренению личной зависимости крестьян, а сугубо финансово-экономические аргументы. Министр финансов акцентировал внимание на негативных последствиях сложившегося положения: «...за неразрешением дела о помянутых крестьянах, состоящих около 5 лет под опекою, казна лишается принадлежащего ей дохода и приказ Общественного призрения не получает выгод, кои предоставлены ему завещанием помещицы» [РГИА, ф. 1260, оп. 1, д. 585, л. 22]. С этих позиций, разделяя опасения губернатора о «...дальнейшем расстройстве крестьян, кои остаются столь долгое время без разрешения своей участи», О.П. Козодавлев просил П.В. Лопухина сообщить ему, «...не сделано ли уже по сему делу какого-либо в комиссии решения, дабы по соображении онаго, я мог приступить к окончательным с моей стороны о сих крестьянах распоряжениям» [РГИА, ф. 1260, оп. 1, д. 585, л. 22]¹.

---

¹ Дальнейшая история крестьян помещицы Куроедовой не зафиксирована в используемых в данном исследовании комплексе документов.

В общем виде, сравнительно-контекстуальный анализ всех обстоятельств и аргументов, сформулированных в процессе поиска вариантов решения конфликтов между помещиками/наследниками и крестьянами по делам поручика Рословлева и помещицы Куроедовой, позволил выявить ряд основополагающих представлений современников о неотъемлемых условиях освобождения крепостных людей в России.

Во-первых, одним из ключевых, системообразующих концептов становится понятие «согласие», трактуемое как добровольное, зафиксированное в письменной форме и обязательно «засвидетельствованное» в установленном законом порядке соглашение всех заинтересованных сторон. Наряду с формально-юридической стороной, не менее важным элементом, формировавшим дополнительные коннотации понятия «согласие» при рассмотрении споров между помещиками и крестьянами, становится утверждение о существовании особых морально-этических обязательства «просвещенного» дворянина. Таким образом, применительно к решению крестьянского вопроса «согласие» — не только юридический термин, но и морально-этическая категория, являющаяся частью смыслового поля понятия «дворянская честь». В идеале, следуя представлениям о чести и достоинстве, помещик (или его наследники) не могли отказаться от данного однажды обещания представить крестьянам свободу, даже в том случае, если с юридической точки зрения они имели на это право вследствие незавершения процедуры «увольнения в свободные хлебопашцы» или наличия нарушений при оформлении документов. С этих позиций, в условиях очевидной неравнозначности юридического статуса помещика и крепостных крестьян, первостепенная роль в достижении «согласия» возлагалась и на посредников в лице выборных предводителей дворянства, представителей местной, а при возникновении конфликтов — центральной администрации. Логическим следствием данного подхода становится концепция допустимости внешнего принуждения к согласию в случае отказа помещика исполнять свои обязательства.

Во-вторых, в общественном сознании постепенно формируется двойственное отношение к крепостной зависимости крестьян. Крепостное право, с одной стороны, воспринималось современниками как неотъемлемая часть существующего социального порядка, посредством которого возможно не только поддержание материального благосостояния служивого сословия, но и исполнение помещиками не менее важной, чем государственная служба, функции — «отеческого попечения» и воспитания крестьян, удерживая их таким образом от противоправных действий. Подобная установка на фоне распространения идей европейского просвещения и заявлений верховной власти о намерении восстановить «силу закона», а также признания существования «естественных прав» личности, актуализировало вопрос о соотношении права «собственности» помещика на землю, права помещика добровольно предоставлять крестьянам личную «свободу» и содержания «свободы» для крепостных крестьян. В процессе размышлений об оптимальном соотношении «свободы» помещика распоряжаться собственностью и потенциальной «естественной свободой» человека все чаще звучали мнения о важности дифференциации

права собственности на землю и исторически сложившейся практики личной зависимости крестьян. Многие помещики, отвечая на эти вопросы, приоритетными считали права дворян как главной опоры российского самодержавия, и поэтому, при наличии даже незначительных процессуальных нарушений, считали возможным обращаться к властным структурам с прошениями об отмене распоряжений своих умерших родственников. Такая двойственность установок внутри дворянского сословия задавала разнонаправленность аргументов и практических действий помещиков, что в условиях прецедентной системы права обуславливало положение, при котором дела о «крестьянах, отыскивающих свободу из владения» конкретного помещика, могли рассматриваться на протяжении нескольких лет.

Отсутствие в среде поместного дворянства и правительственной элиты единой трактовки соотношения понятий «права», «свобода» и «согласие» в контексте разрешения конфликтов между помещиками и крепостными крестьянами приводило к тому, что на практике наиболее результативной оказывалась концептуальная модель «*принуждения к согласию*» или «*монаршего соизволения*». Именно поэтому, в совокупности со сложностью процедуры освобождения крестьян, которая задумывалась как действенный механизм, позволяющий достичь «согласия» доваривающихся сторон, первоначальная установка на добровольное освобождение крестьян по инициативе самих помещиков не была реализована. В дальнейшем разработчики крестьянской реформы 1861 г., ориентируясь на такой опыт предшествующих двух царствований, в качестве основного субъекта, способного выступить в качестве организатора освобождения, провозглашали государство.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Архив Государственного Совета. Т. IV. Царствование императора Александра I (с 1810 по 19 ноября 1825 года). Журналы по делам департамента гражданских и духовных дел. Ч. 1. СПб, 1892. 874 с.
- Бирюкович В. Судьба указа о вольных хлебопашцах в царствование Александра I // Архив истории труда в России. Пг., 1921. Кн. 1. С. 63–79.
- Блаткова В. В. Указ о вольных хлебопашцах 20 февраля 1803 года // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. 1994. Вып. 4. № 27. С. 98–101.
- Вешняков В. Крестьяне-собственники. Историко-статистический очерк. СПб.: тип. Безобразова, 1858. 139 с.
- Долгих А. Н. Крестьянский вопрос во внутренней политике российского самодержавия в конце XVIII–первой четверти XIX в. Т. 2. Липецк: ЛГПУ, 2006. 359 с.
- Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: НЛО, 2018. 632 с.
- Медушевский А. Н. Проекты аграрных реформ в России: XVIII–начало XIX века. М.: Наука, 2005. 639 с.

Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX века. М.: Наука, 1989. 240 с.

Правила, постановленные по мнению Государственного Совета в руководство министру внутренних дел при рассматривании условий между помещиками и крестьянами по указу 20 февраля 20 дня 1803 года // Санкт-Петербургский журнал. 1804. № 6, июнь. С. 11–16.

Полное собрание законов российской империи, с 1649 года. (ПСЗ) СПб., 1830. Т. XXVII. № 20625; Т. XXVIII. № 21933.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1151. Оп. 1. Т. 1, 1812. Д. 83.

РГИА. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 585.

Семевский В.И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. СПб.: тип. Тов-ва «Общественная польза», 1888. Т. 1. 518 с.

Сергеева Н.И. Анализ количественных показателей действия Указа о свободных хлебопашцах // Вопросы истории России XIX–начала XX века: Межвуз. сб. Л., 1983. С. 57–68.

Указ Правительствующему Сенату // Санкт-Петербургский журнал. 1805. № X, октябрь. С. 65–75.

REFERENCES

Arhiv Gosudarstvennogo Soveta. T. IV. Carstvovanie imperatora Aleksandra I (s 1810 po 19 nojabrja 1825 goda). Zhurnaly po delam departamenta grazhdanskih i duhovnyh del [State Council Archive. Ch. 1. The reign of Emperor Alexander I (from 1810 to 19 November 1825). Journals of the Department for Civil and Religious Affairs]. St. Petersburg: state printing house, 1892. 874 p. (in Russian).

Birjukovich V. Sud'ba ukaza o vol'nyh hlebopashchah v carstvovanie Aleksandra I, [Fate of the Decree on Free Bakery Workers in the Reign of Alexander I], in *Arhiv istorii truda v Rossii*. Petrograd, 1921. Kn. 1. Pp. 63–79 (in Russian).

Blatkova V.V. Ukaz o vol'nyh hlebopashchah 20 fevralja 1803 goda [The decree on free cultivators February 20, 1803], in *Vestnik Sankt-peterburgskogo universiteta*. Ser. 6. 1994. Vol. 4. № 27. Pp. 98–101 (in Russian).

Veshnjakov V. *Krest'jane-sobstvenniki. Istoriko-statisticheskij ocherk* [Peasant Owners. Historical statistical essay]. St. Petersburg: printing house Bezobrazova, 1858. 139 p. (in Russian).

Dolgin A.N. *Krest'janskij vopros vo vnutrennej politike rossijskogo samodержавija v konce XVIII–pervoj chetverti XIX veka* [The peasant question in the internal politics of Russian autocracy in the late 18th and first quarter of the 19th century]. Vol. 2. Lipeck: LGPU, 2006. 359 p. (in Russian).

Kembridzhskaja shkola: teorija i praktika intellektual'noj istorii [Cambridge School: Theory and Practice of Intellectual History]. Moscow: NLO, 2018. 632 p. (in Russian).

Medushevskij A.N. *Proekty agrarnyh reform v Rossii: XVIII–nachalo XIX veka* [Projects of agrarian reforms in Russia: 18th–early XIX century]. Moscow: Nauka, 2005. 639 p. (in Russian).

Mironenko S.V. *Samoderzhavie i reformy. Politicheskaja bor'ba v Rossii v nachale XIX veka* [Autocracy and reform. Political struggle in Russia in the early 19th century]. Moscow: Nauka, 1989. 240 p. (in Russian).

Pravila, postanovlennye po mneniju Gosudarstvennogo Soveta v rukovodstvo ministru vnutrennih del pri rassmatrivanii uslovij mezhdru pomeshhnikami i krest'janami po ukazu 20 fevralja 20 dnja 1803 goda [Rules, regulations according to the State Council by the Minister of Internal Affairs when viewing conditions between landowners and peasants under the decree of 20 February 1803 20 days], in *Sanktpeterburgskij zhurnal*. 1804. № 6. Pp. 11–16 (in Russian).

Polnoe sobranie zakonov rossijskoj imperii, s 1649 goda (PSZ) [The complete collection of the laws of the Russian Empire]. St. Petersburg, 1830. Vol. XXVII. № 20625; Vol. XXVIII. № 21933 (in Russian).

Russian State Historical Archive (RGIA). F. 1151. Inv. 1. Vol. 1, 1812. D. 83.

RGIA. F. 1260. Inv. 1. D. 83.

Semevskij V.I. *Krest'janskij vopros v Rossii v XVIII i pervoj polovine XIX veka* [Peasant question in Russia in the 18th and first half of the 19th century]. St. Petersburg: tipografija tovarishhestva "Obshhestvennaja pol'za", 1888. Vol. 1. 518 p. (in Russian).

Sergeeva N.I. Analiz kolichestvennyh pokazatelej dejstvija Ukaza o svobodnyh hlebo-pashcah [Analysis of quantitative indicators of the Free Bakery Decree], in *Voprosy istorii Rossii XIX–nachala XX veka: mezhvuzovskij sbornik*. Leningrad, 1983. Pp. 57–68 (in Russian).

Ukaz Pravitel'stvujushhemu Senatu [Decree to the Government Senate], in *Sanktpeterburgskij zhurnal*. 1805. № X, oktjabr'. Pp. 65–75 (in Russian).